

Новая Польша 4/2003

0: ИЗ ДНЕВНИКОВ ПУБЛИЦИСТА

На протяжении последних трех лет я публикую свои дневниковые записи на страницах киевской газеты "Дзеркало тижня" ("Зеркало недели"). Идея обратиться к этому жанру сформировалась у меня летом 2000 г., когда на берегу Охридского озера я старался одолеть дневники Витольда Гомбровича. И с грустью думал о том, что в украинской или российской публицистике дневниковый жанр, позволяющий посмотреть на мир сквозь призму собственного взгляда и вместе с тем осмыслить его универсально, отнюдь не так культивирован, как в польской. Нет, и у нас есть свои дневники, но это скорее дневники узких специалистов, чем дневники Гомбровича или Герлинга-Грудзинского...

Моя попытка вернуть дневниковому жанру целостность восприятия мира - это всего лишь мой эксперимент. Для читателя, интересующегося Польшей, могут быть любопытны страницы, Польше посвященные или связанные с Польшей и польским пространством. Сразу оговорюсь, что это, наверное, не та Польша, к которой привык читатель. Мое восприятие Польши - очень еврейское в силу происхождения и глубинного ощущения долгой связи моего народа и этой страны. Мое восприятие Польши - очень украинское в силу моего рождения и понимания долгой связи моей страны и этой цивилизации. Мое восприятие Польши - и русское: я живу в Москве последние 15 лет, и было бы нелепо считать, что российско-польские взаимосвязи могли пройти мимо меня. И мое восприятие Польши - еще и польское: никогда я не ощущал себя иностранцем в стране, в которой мне не нужны были переводчики и экскурсоводы, а нужны были хорошие друзья, любимые города и хорошие книги - и все это у меня есть в моей Польше.

2000 год

Сентябрь. ГЕДРОЙЦ

Я слишком долго размышлял над первой записью - возможно, потому что в дневнике вообще не бывает первых записей, каких-либо предисловий, вступлений... Если бы я был писателем, то начал бы с обычного своего дня, стремясь перенести на бумагу какие-то будничные соображения и эмоции... Но я не писатель, а публицистические дневники должны жить по своим собственным законам.

Идея первой записи появилась как-то сама собой, когда в "Газете wyborczej" я прочел о смерти Ежи Гедройца, редактора парижской "Культуры". Фамилия эта не очень известна в Украине, хотя странно: Гедройц издал произведения писателей нашего "расстрелянного Возрождения" еще тогда, когда их фамилии произносили разве что шепотом... С другой стороны - ничего странного...

Гедройц прожил мафусаилов век - 94 года - и в последние дни жизни еще работал над последним номером своего журнала и общался с читателями в Интернете. Честно говоря, я как-то не осознавал, что этот человек остается нашим современником: фамилию Гедройца встречал на страницах мемуаров и дневников польских писателей послевоенных лет, уже тогда он выглядел пожилым и мудрым человеком, и, возможно, именно поэтому я не понимал, что редактор "Культуры" все еще продолжает колдовать над своим изданием в пригороде Парижа...

Писатели, которыми сегодня гордится Польша, называли его великим, не опасаясь, что это повлияет на их репутацию. Возможно, именно потому, что Гедройц был прежде всего режиссером польской литературы: он не боялся советовать амбиционным коллегам, выстраивать их планы, влиять на их мысли. Так из "шинели" парижского журнала вышла почти вся литература, приблизившая Польшу к Европе, самим полякам доказавшая, что Польша не должна быть хуторянской, второсортной, униженной... Именно в "Культуре" печатались "Дневники" Гомбровича, лучшие стихи Милоша, изысканные мысли Герлинга-Грудзинского... А сам Гедройц? Он не боялся создавать свою Польшу не кисточкой, а скальпелем, публиковать мнения, видимо, обидные для "патриотов"... И с той же Украиной: можно себе представить, как относилась польская эмиграция к украинцам после II мировой войны, после потери Львова, партизанского движения ОУН... И как относилась украинская эмиграция к полякам после операции "Висла". А Гедройц предлагал говорить не об этом, а о том, как будут складываться отношения независимой Польши с независимой Украиной в будущем. Неплохая тема для 40-50-х годов, правда? И каким нацеленным в будущее нужно было быть, чтобы начать создавать - хотя бы теми же публикациями писателей "расстрелянного Возрождения" - европейский образ Украины тогда, когда украинская эмиграция оказалась явно неспособной на непровинциальность!

У нас таких режиссеров нет... Мы всё должны своими силами. Наши редакторы - скорее добрые друзья, чем мудрые режиссеры. Так уж вышло, но можем ли мы оставаться в вечном плену наших цивилизационных недоработок? Чем еще мне всегда нравилось мировоззрение Гедройца - умением даже там, во Франции, жить памятью даже не о Польше, а об утраченном пространстве Речи Посполитой. Польши. Украины. Белоруссии. Литвы. Мне всегда было подсознательно очень близко такое мировоззрение - пускай это окажется не украинским, а еврейским, не буду спорить, и все же в детстве, когда я открывал для себя Прибалтику, Эстония казалась интересной и чужой, Латвия - привлекательной и понятной, а Литва - почти родной. Я чувствовал себя в Вильнюсе, как в Киеве: со временем так я буду чувствовать себя в польских городах. Уверен, что культурное пространство Речи Посполитой сохранилось, и точно знаю - ну, это уже просто мой жизненный опыт, - что Москва - не столица Украины...

Не собираюсь здесь заниматься какими-то политическими теориями. Просто по сравнению с россиянами, которые под непровинциальностью понимают прежде всего имперскость, могущество, право сильного, все комплексы большой и бедной нации, - мы всегда будем провинциалами. Западнее, немножко западнее от нас все же ждут иного - не могущества, а желания жить по-человечески. Поверхностный анализ показывает, что жить по-человечески все же легче, чем довольствоваться необъятной территорией и историей, переполненной победами, просто невозможными на территории меньшего масштаба... Пусть сегодня у нас нереформированное общество, несамодостаточная экономика, народ, сам себя еще не осознавший, - всё так. Однако даже в минуты сильнейшей депрессии я остаюсь оптимистом. Потому что не хочется быть поверхностным и всегда хочется быть капельку Гедройцем. Журналистика побуждает к поверхностности. Политическая журналистика - к абсолютной поверхностности. Все эти мелкие интриги мелких людей, которые даже в учебники истории не попадут, эти парламентские потасовки, эти графоманские речи, этот телевизор... Телевизор! Вот еще почему следует благодарить Бога за жизнь в Москве: здесь мне хотя бы недоступны все эти каналы, я могу не нервничать... А впрочем, почему я все время должен убеждать читателя, что меня тяготит именно это, что я постоянно нахожусь в плену очередных замыслов Путина с Березовским... в лучшем случае Чубайса... Сыграть такую роль в украинской журналистике? За что?

Стоп. Никаким новым Гедройцем становиться не собираюсь. Не потому что не хочу, а потому что не могу. Жутко не хватает ответственности. Всегда было любопытно наблюдать за режиссерами, но самому становиться режиссером... Тем более за окном у меня не Эйфелева башня, а сталинские небоскребы: по левую сторону - гостиница "Украина", в центре - министерство иностранных дел, по правую сторону, немного дальше, - университет. Вечером очень красиво... Но иначе. Просто я подумал: если бы у меня был "свой", то есть наш, "украинский" Гедройц, он мог бы написать мне приблизительно следующее: вы уже надоели мне своими статьями. Если у вас нет таланта к романам, попробуйте дневники. Возможно, это ваш жанр?

На самом деле все было иначе. Мне еще пришлось убеждать Юлию Мостовую, явно производя на нее впечатление человека с завышенной самооценкой. Ну и пусть: не в первый и не в последний раз... Потом я долго размышлял не столько над концепцией, сколько над первой записью... Затем началась нервотрепка с моим возвращением в телевизор, это всегда катастрофа, я до сих пор не знаю, кем должен там быть - массовиком-затейником или проповедником.

Потом умер Гедройц. Я читал польские газеты, сознавая, как много мы потеряли без собственных Гедройцев. Мне всегда невероятно обидно в такие дни: теперь, когда время нравственных авторитетов уже практически прошло, тяжело осознавать, что в эпоху нравственных авторитетов мы обошлись без них... Я решил написать об этом. В "Зеркале" мне предложили 30 сентября. Откровенно говоря, я обрадовался. Это еврейский Новый год, наверное, мой любимый праздник: как-то так сложилось, что по сравнению с "обычным" Новым годом, для меня всегда связанным с публичностью, путешествиями и приключениями, этот Новый год - только мой: я умею радоваться ему в одиночестве. Это действительно время исполнения заветного... С Новым годом!

Октябрь. ПОЗНАНЬ

Во время выходных в Познани прочел отрывок из новой книги Станислава Лема. Это, в общем, необычный для Лема, но традиционный для польской публицистики жанр бесед с журналистом. Лем в этой книге рассказывает о своей жизни, о своих взглядах. Отрывок, на который я случайно натолкнулся в "Тыгоднике повсехном", - о зарубежных путешествиях Лема. И, естественно, вырисовывается образ эдакого свободного интеллектуала, вынужденного жить в тоталитарном обществе...

Мой польский приятель утверждает, что еще несколько лет назад он читал другое интервью Лема, в котором писатель был вовсе не таким демократичным, остро критиковал "Солидарность"... Я даже не уверен, что это так: несколько лет назад сама попытка объективно оценить "Солидарность" могла показаться острой критикой. Я просто еще раз убедился, что в польском обществе сложились определенные правила даже не игры, нет, - а

поведения. Что общество делится не на выигравших и проигравших, а на тех, кто уже тогда все понимал, и на тех, кто в тех или иных обстоятельствах ошибался.

В подобной ситуации и Лем может быть либералом, и Квасневский. И в обществе нет опасных иллюзий, что сегодня можно идти в одну сторону, а завтра - в противоположную. Просто люди договорились друг с другом, что добро, а что зло. В этой ситуации Лем, говорящий, что ему отвратительны защитники "народной Польши", но еще более отвратительны те, кто Освенцим называет "жидовской выдумкой", а польские проблемы объясняет тем, что "все жида" - от Квасневского до епископов, кажется искренним человеком. А, скажем, Путин, которому нравится гимн Советского Союза, но который не желает переговоров с Масхадовым, потому-де, что Масхадов - антисемит, - неискренним. Потому что одновременно так не бывает.

Я здесь упомянул о Путине вовсе не потому, что всегда о нем думаю, а потому что ход его мыслей - это прекрасная иллюстрация того, как мыслит человек в обществе, которое не договорилось о понимании добра и зла. Именно теперь, когда я в Польше, празднуется юбилей "Демократической России". То есть празднуется - это громко сказано. Я просто увидел сообщение о торжествах среди прочих новостей из Москвы... Однако решил тоже подать голос, хотя бы написать рубрику для "Ведомостей". Рубрика вышла неожиданно очень злой. Я не планировал писать такую злую, хотел быть просто саркастичным. А написал так, скорее всего, потому что это просто мои собственные неоправдавшиеся надежды... Многое могу вспомнить за эти десять лет. Но самое главное впечатление - как порядочные люди или становились в российском обществе маргиналами - если сохраняли порядочность и оставались в политике; или переставали быть порядочными - если пытались остаться в политике и не быть маргиналами. Или просто уходили из политики преподавать в западных колледжах советологию...

У первой категории была одна-единственная возможность избежать маргинальности - умереть. Академика Сахарова травили почти до последнего вздоха, но уже на следующий день после его смерти рванулись на похороны, отталкивая друг друга локтями... А Галина Старовойтова? Те, кто не обращал внимания на содержание ее публичных выступлений при жизни, слетелись в Петербург поиграть в шестидесятников на ее могиле. А теперь Сергей Ковалев. К счастью, еще живой. Однако я уже несколько раз во время его выступлений ловил себя на мысли, что нужно не так, что нужно мягче, а он выступает как-то жестко и в то же время беспомощно...

Наверное, действительно нельзя быть полностью свободным от общественных настроений, живя в определенном обществе. Адам Михник сказал мне, когда я с ним разговаривал на прошлой неделе в Варшаве, что для него Ковалев остается крупнейшим нравственным авторитетом. И что он таким станет для россиян, если они поймут происходящее в Чечне. Я понимаю, что это так. Что Михник совершенно прав, что так всегда было. И Сахаров имел бы жесткий и в то же время беспомощный вид, если бы его выступления об Афганистане можно было услышать на какой-нибудь конференции, скажем, в 1981 году... И я именно так и считал бы, что с этой аудиторией нужно мягче, нужно ей объяснять, чтобы она поняла...

Понимаю - но как-то не верю.

Опасаясь, что все проблемы - и наши, и российские - состоят именно в том, что мы не договорились относительно добра и зла. Это соотношение нужно не просто понять и выучить, в него нужно поверить. И тогда уже невозможно будет от него отказаться, в зависимости от политической конъюнктуры...

Ноябрь. ВОЯЧЕК

Посмотрел фильм Леха Маевского "Воячек", посвященный культовому польскому поэту 70-х. Кассета лежала у меня давно, все откладывал и откладывал этот просмотр. И смотрел как сериал - в три приема: сразу как-то было очень тяжело. Не потому, что фильм плохой, а потому что реальность слишком знакома. Я не очень рассмотрел в этой ленте самого Рафала Воячека, однако что в ней удалось - так это социализм. Возможно, благодаря тому, что фильм черно-белый, возможно, потому что действие разворачивается лишь на нескольких объектах, как в телеспектакле: ресторан, вокзал, больница, квартира... Жизнь очень ограничена, безнадежна, беспросветна. События повторяются изо дня в день... Скучно. Конечно, Воячек умирает - а что еще делать талантливому человеку? Конечно, мудрый человек и в этой ситуации найдет себе занятие - будет созерцать бессобытийность, читать книги, слушать "Свободную Европу"... Молодому человеку все-таки тяжело - ему хочется дожить до мудрости в праздничном расположении духа... Существует три понимания того, как жить, если довелось родиться в социалистической стране. Первое - воспринимать ее реальность как единственную и наилучшую, самоотверженно делать карьеру, быть лучшим учеником дракона... поверить в то, что это наилучшая реальность, навсегда. Я встречал таких людей во многих странах, однако более всего поразили они меня в Берлине: мы прогуливались мимо ярких витрин Кудамы, по главной западноберлинской улице, и они уверяли меня, как было

хорошо в ГДР. Хотя до того, что осталось от ГДР, было несколько минут на метро, я имел возможность сам все проверить... Возможно, им и было хорошо...

Второе понимание, которое я увидел сегодня в "Воячке": когда реальность воспринимается как безысходность, сам ты становишься живым протестом, стремишься ее изменить... Конечно, она остается такой же. Ты умираешь - или физически, как Воячек, или морально, как многие из его ровесников, избравших комсомольские карьеры... Однако на самом деле в социалистическом обществе большинство людей выживает не в этих двух реальностях, а в третьей, выдуманной. Когда-то, еще в начале перестройки, об этой реальности рассказал Сергей Юрский в своей ленте "Чернов. Chernov". Главный герой фильма просто не живет в социализме. А живет - цитирую здесь свою рецензию в "Независимой газете" за январь 1991 г. - "в скоростных железнодорожных составах Париж-Барселона, в уютных маленьких городках, где кофе со свежими булочками, - веселый сладкий праздник уютного ресторанчика далеко от столиц... Человек, оказывается, может жить только нормальной жизнью. Если лишить его этой жизни - он немедленно двинется в Зазеркалье, тем более что пример этого естественного существования все-таки сохраняется в далеких скоростных пуленепробиваемых поездах - и вокруг них... Нет, Чернов не мечтает об Испании, красивой женщине, мудрых и талантливых спутниках по странствованию. Он просто живет там. А существует здесь. Впрочем, именно это уже и не важно. Боюсь, что вообще все мы - за незначительным исключением горстки по-настоящему состоявшихся, обретших себя людей - живем там. А здесь существуем, что механически освобождает нас от любых обязательств перед страной и обществом, в которых мы не живем. Поэтому мы и можем - как Чернов - отречься от друга, отойти в сторону, отступить... Там - не в мечтах, а в реальной жизни - мы смелые, красивые, богатые, в белых костюмах. Здесь - в ирреальности, где мы по каким-то причинам находимся, - мы робкие, напуганные, лживые, в порванных джинсах. Мечта и реальность просто поменялись в нашей жизни местами. Так и должно быть - человеческий мозг просто был обязан защитить личность в этом тотальном кошмаре. Страшнее всего, что каждый одинок в этом коллективном обмане. Каждый почему-то уверен, что он, и только он, живет так, сам в своих Каннах..."

С тех пор, как я написал этот текст, прошло уже почти десять лет. И сегодня мне кажется, что общество, появившееся в результате бесшабашного нежелания жить в выдуманном мире, оказалось для большинства более жестоким, чем социализм. Оно не оставляет возможности мечтать. Ты воспринимаешь реальность или как замечательную - что нетрудно при условии успешной карьеры, путешествий на Запад, обедов в дорогих ресторанах и нарядов от Версаче для жены, или как безнадежную - что нетрудно, если ты живешь обычной жизнью, без нарядов и путешествий. Защититься иллюзией между тем и другим почти невозможно, ибо та, иная жизнь, яркая и привлекательная, - не за железной решеткой, не за морями-океанами. Почти рядом. На соседней улице. Экспресс Париж-Барселона? Хоть и завтра, покупай тур. Белый костюм? Новая коллекция на соседней улице. Ужин при свечах с удивительной женщиной? В соседнем ресторане! Можно ли мечтать о недоступной будничности? На Западе по крайней мере большинство людей имеют представление, как достичь хотя бы части этой недоступной будничности... У вас не очень большая зарплата, вы не покупаете в центре, ну что ж - в выходные поедете с женой в супермаркет в пригород. Вы работаете, поэтому у вас нет времени на зависть и недовольство по поводу того, что у соседа на шесть комнат больше и бассейн глубже. Все это конкуренция среди среднего класса, а не конкуренция богатых с нищими, как у нас. Социализм, как известно, умер - просто потому, что даже для того, чтобы люди жили в атмосфере иллюзий, их нужно чем-то кормить... Вожди того общества считали своих запуганных подданных спокойным и безопасным быдлом - и просчитались. Именно поэтому меня удивляет, откуда такое нереалистическое ощущение безопасности у нынешних вождей? Можно сколько угодно успокаивать себя, что здесь, дескать, такое спокойное население, ничего не произойдет, нужно его дограть - и тогда уже начнем строить демократическое рыночное общество... Однако прощать могут лишь люди с иллюзорным мышлением: потому-то бывшие члены политбюро и становились в новых условиях в лучшем случае президентами, в худшем - руководителями парламентских комитетов... За эти десять лет у нас сформировалось общество сугубо реалистичное: будьте реалистами, голосуйте за Кучму! Такое общество в самом деле может проголосовать как следует - один раз, второй, третий. Однако оно ничего не простит своим поводам, если они хотя бы на миг выпустят веревку...

Декабрь. МИНСК

Конечно, банальная мысль: прелести города определяются прежде всего, тем откуда ты в него приезжаешь. Несколько лет назад, едва лишь в Минске закончился очередной саммит СНГ, я переехал в Вильнюс. И словно очутился в другом мире... Впрочем, Вильнюс я просто люблю - и был бы счастлив приезжать в этот город откуда бы то ни было. А теперь я считал дни, а затем часы до Варшавы. И она оправдала все мои надежды - я снова оказался в другом мире... А я, следует сказать, из тех гостей Варшавы, которые по прибытии в польскую столицу прежде всего изучают железнодорожное расписание, чтобы поскорее оказаться в Кракове...

Однако на этот раз все было иначе. Естественно, за несколько дней мой минский опыт забудется, и я снова буду захвачен варшавскими расстояниями, сталинским пейзажем Дома культуры и науки за окном гостиницы, снова буду изучать расписание, чтобы куда-нибудь переехать сразу же, как только покончу с делами... Но в первый день я прогуливался по варшавским улицам и словно возвращался к жизни. Эта смена настроений была такой стремительной и такой очевидной, что стоило задуматься: что же такое в минской атмосфере вынуждает меня впадать в депрессию и ждать отъезда? Бедность? Но и Киев - небогатый город, однако оттуда никогда не хочется спешить. Политический режим? Российская власть тоже не выглядит чрезмерно демократической, но это не мешает мне жить в Москве. И потом, прошу прощения, я жил в Белграде при Милошевиче, который может еще поучить Лукашенко манипулировать своим населением: "бацька" сделал из белорусов нищих, а Слобо из сербов - мертвецов. "Почувствуйте разницу!" Но мне все равно нравилось в Белграде. Меня тошнило от власти, вранья в газетах, огорчал постепенный упадок прекрасного балканского города, однако жизнь в Белграде - особое состояние души, которое не хочется прерывать.

Поэтому дело прежде всего в этом душевном состоянии: в Минске на него влияет толпа. Обычная уличная толпа - очень советская. Невероятно советская. Настолько советская, словно ничего и не изменилось. Такой "советской" толпы никогда не было в Белграде. И уже нет в Москве. И почти нет в Киеве - это определяется не количеством денег, а, видимо, пониманием того, что за тебя эти деньги никто не заработает. В Белоруссии подобного понимания почти нет. Белорусы, как и украинцы, работают в соседних странах, пытаются нелегально зарабатывать на Западе, но, Боже мой, как же их это раздражает! Большинство населения здесь все равно полагается на государство: президент может вызывать недовольство только потому, что не повышает зарплату и повышает цены на топливо, а не потому, что не проводит реформы. Государство продолжает заботиться о тебе, следить за тобой - этаким Старшим Братом из Оруэлла... Я собирался купить билет из Минска до Варшавы в московском офисе компании "Белавиа". Мне ответили, что такой билет приобрести нельзя: он должен быть в оба конца. "Мы должны знать, когда вы возвращаетесь"! Разговор со мной продолжили только после того, как я объяснил, что я не гражданин Беларуси... Как и в советские времена: иностранцам - можно, своим - дудки... Уже в Минске я разговаривал с парнем, служащим в белорусской армии после окончания математического факультета университета. Служит рядовым, так как на военную кафедру берут не всех. Но все равно радуется, поскольку круглый год может бесплатно ездить в родной Борисов на электричке... После учебы хотел остаться в Минске, но нет прописки - и его распределили в Жлобин, на металлургический комбинат. Это тоже неплохо, ведь комбинат работает, продает металл (видимо, белорусские металлурги действуют по совершенно иным правилам, чем украинские или российские, но это уже совсем другая история). "Неплохие стартовые условия?" - спросил меня парень. А что - обычные, "нашенские", определяемые не способностями человека, а наличием или отсутствием военной кафедры, прописки, назначением на место работы. Именно благодаря подобным "стартовым условиям" советское общество маргинализировалось, деградировало, плелось в хвосте в конкуренции новейших технологий и в конце концов исчезло. Сохранить его удалось в одной отдельно взятой республике - да и то на чужие, российские деньги. Режиму Лукашенко удалось построить мемориал Советского Союза. Естественно, это не настоящий Советский Союз, а скорее карикатурный. Вы можете приобрести в киоске оппозиционную прессу. Вы можете слушать радио "Свобода" без всякого там глушения - тем более что бюро "Свободы" находится в пяти часах пешком от президентской резиденции, в офисном доме "Макдональда". (Теперь представим себе "Свободу" и "Макдональд" в настоящем Советском Союзе.) Вы можете свободно смотреть российские телеканалы, которые все же не могут откровенно лгать: разогнанную демонстрацию они назовут разогнанной демонстрацией, даже если белорусское телевидение просто промолчит. Но все это разнообразие возможностей удручает еще больше: если они обо всем могут узнать, то как могут продолжать бездарно губить свою жизнь и жизнь своей прекрасной, невероятно уютной страны? Все - от солдата из Борисова до президента из Могилева! Почему они превратились в музейные экспонаты, живое напоминание о том, "как было"?

В музее заброшенного прошлого всегда тяжело дышать. Именно поэтому так радуешься настоящей, логичной жизни, улыбающимся лицам, предновогодней атмосфере в магазинах... Я окончательно восстановился, когда в варшавском универсаме "Центрум" продавщица предложила мне в дополнение к моим покупкам приобрести что-нибудь еще, чтобы получить в подарок маленького новогоднего медвежонка. Плюшевый медвежонок приветливо улыбался с рекламы: "Обними меня и отнеси домой". Я, естественно, согласился и отнес его в гостиницу. Теперь он там спит...

2001 год

Январь. МЮНХЕН

31 декабря 1991-го, за несколько часов до Нового года, я сошел с поезда на мюнхенском вокзале. Это было мое первое пребывание на Западе, в этот день я впервые путешествовал самостоятельно, без коллег и переводчиков.

1 января 1992-го я гулял по почти пустым - праздники! - коридорам радио "Свобода", ожидая своего выхода в эфир...

Сегодня, спустя девять лет, я снова тут. Прогуливаюсь по полупустым - праздники! - коридорам комплекса, переданного ныне Мюнхенскому университету, пытаюсь вспомнить, где что было... Это более чем странное посещение административного здания: радио "Свобода" не ликвидировано, оно просто переехало в другой город и сейчас изумляет туристов из бывшего СССР циклопическими масштабами своего пражского офиса в бывшей резиденции Федерального собрания Чехословакии... Я никогда долго не работал в Мюнхене, поэтому не могу сказать, что меня привела сюда ностальгия. Тогда что же? Кроме юношеских воспоминаний, в этих стенах неплохо думается о временах, считавшихся тогда последними годами в истории радио "Свобода". Тогда, в 1991-1992 гг., казалось, что цель, с которой создавалась радиостанция - построение на "одной шестой" общества свободных людей, - уже достигнута или вот-вот будет достигнута... Можно закрываться.

Что же произошло на самом деле? Некоторые редакции, как, скажем, польская или венгерская службы радио "Свободная Европа", соседки "Свободы", действительно прекратили свое существование. Однако остались важной частью истории стран, для которых они работали. Поляки осознавали, что "Свободная Европа" - это их радио. А коммунистическая "Трибуна люду" - чужая газета. И для огромной части польского общества это очевидно. Мы же до сих пор считаем, что радио "Свобода" - по ту сторону баррикад. Мы и сами хотели бы быть по ту, попытались уже на них вскарабкаться, но путь оказался труден, а обратно уже тоже было нельзя. Вот мы и остались сидеть на заборе со странным выражением лица... Радио тоже оказалось в непредвиденной ситуации. С одной стороны, гражданское общество, к которому оно призывало, у нас так и не возникло. Но и режима, с которым радиостанция боролась во времена Хрущева, Брежнева или Андропова, больше не существует. Эту проблему мюнхенской радиостанции пришлось решать уже пражской, строить отношения с обществом и властями буквально с нуля. Впрочем, загадочное исчезновение в Чечне корреспондента российской службы Андрея Бабицкого убедило, что отношение к радио со стороны властей не очень изменилось с советских времен: просто в данное время они вынуждены терпеть его существование...

Так что для меня мюнхенский комплекс радио "Свобода" - это памятник утраченным надеждам... Оказалось, что нам не очень-то нужна была вся эта правда, что для нас Запад - это не "человек имеет право", а "человек имеет авто"... Голос мюнхенской радиостанции так и остался гласом вопиющего в пустыне. Ее ветераны едва ли будут героями в обществе, в котором государственниками становятся офицеры госбезопасности и службу тоталитарному режиму объясняют патриотизмом, а не обычным отсутствием порядочности и желанием быть лучшим учеником дракона. "Свобода" никогда не была просто интеллигентной службой новостей, как Би-Би-Си или "Радио Швеции", она была прежде всего фронтовой радиостанцией. Войну с несвободой в масштабе страны она выиграла, но выиграть войну против рабства в душе отдельного человека оказалось почти невозможно...

Январь. ХЕРЛИНГ-ГРУДЗИНСКИЙ

В одной из последних книг польского писателя Густава Херлинга-Грудзинского, умершего в прошлом году, я обнаружил неожиданное для себя наблюдение. Херлинг-Грудзинский, почти четыре десятилетия проживший в эмиграции в Неаполе, жалуется на одиночество в этом большом городе. И не потому, что в Неаполе не хватало интеллектуалов, а потому что люди, способные составить компанию польскому писателю, не хотели его знать. Неаполь был... коммунистическим городом, а Херлинг-Грудзинский - писателем, эмигрировавшим из коммунистической страны. И потому вплоть до 1989 г. он был чужим для неаполитанского "высшего света" - он был чужим для них, они были чужими для него...

Конечно, для человека, посещавшего "коммунистические" города Италии, в этом нет ничего странного. Я никогда не был в Неаполе, однако жил, скажем, в Болонье... Это не бедный юг, а богатый север страны - и все же меня не переставали удивлять приметы вроде подзабытого "советского" стиля поведения - на улицах, в гостинице, даже в современной архитектуре. Оказалось, что и на Западе можно выстроить свой центр неполноценности: его миазмы отравляли воздух старинной Болоньи, не позволяли почувствовать себя туристом из восточной страны на богатом Западе - как в соседней Флоренции или Ферраре... Что-то в этом городе ощущалось родное-преродное. Коммунисты всегда строят что-то похожее - в Советском Союзе или в отдельном итальянском городе... Так вот неаполитанскую жизнь Херлинга-Грудзинского я себе хорошо представил. Удивил меня в его воспоминаниях скорее сам парадокс существования. Человек, чтобы не жить в обществе ежедневного унижения, покидает родину. И в результате оказывается в свободной стране, но в городе, где это общество ежедневного унижения прославляется и считается идеалом мыслящего существа. Несколько часов на поезде - и ты уже совсем в других мирах, совсем в других городах. Однако здесь, в твоём новом родном городе, нет соответствующего круга общения, нет людей, которые бы тебя понимали... Херлингу пришлось так жить вплоть

до 1989 г.: крах коммунизма сделал его популярным человеком, неаполитанская знать удивлялась, как она до сих пор не знала такого интересного собеседника...

А как это происходит в наших палестинах?

Я хорошо помню, как на меня с моими прогнозами, что Советскому Союзу осталось несколько лет, а украинская независимость - не диссидентская мечта, а почти реальность, смотрели коллеги, озабоченные собственными карьерными успехами. Считали, что в Москве можно позволить себе такие странные взгляды - перестройка все-таки! Героями борьбы за независимость все как один стали в ночь с 24 на 25 августа 1991 года. Нашли где-то желто-голубые значки, которые еще весной наталкивались на пренебрежительно-осуждающие взгляды "интеллигентных" киевлян, начали уверять, что всегда были неутомимыми борцами за свободу "неньки" - где бы ни работали: в ЦК, КГБ, совете министров или на Гостелерадио. Конечно, в этом государстве мгновенных патриотов я снова сразу же выделился: мы здесь строим из всех сил, а он там сидит, с нами строить не хочет. Да, правильно, как не хотел с вами строить до августа 1991 г., так не хочу и после него. Вы же строите, те же мои сердечные друзья, бывшие патриоты одной шестой, настоящие патриоты "неньки". Я вам не верю. Вы одну свою страну предали? Это же для меня она была империей, для вас - государством, предоставляющим так много возможностей... А сейчас это, новое, дает возможности? Вы и его способны предать при первом же случае.

Сейчас вот новое дело - скандал с пленками. Я еще в 1994 г. написал и сказал, где мог, что у Леонида Даниловича Кучмы есть одна проблема - он не способен исполнять обязанности президента Украины. Меня годами убеждали, что я его недооценил. Что он в действительности сильный политик: может, в экономике и не разбирается, тем не менее власть удержал, государство стабилизировал, элиту укротил. Я свою позицию все эти годы не менял, а чего ее было менять на фоне упадка страны, деградации ее экономики, криминализации руководящего класса? Теперь вот все раз - и прозрели. Записи президентских разговоров нам продемонстрировали, какой это человек неинтеллигентный, а мы и не знали - или знали, но не могли доказать. И всей элитой пошли в поход за справедливость. И конечно, мне остается только "пасти задніх" - ибо там такие генералы и солдаты в этой армии правды, такие натуры, такие репутации, что небольшое количество тех, кто искренне желает изменений, теряется в океане амбиций людей, уверенных: нужно использовать ситуацию наилучшим для себя образом.

Как-нибудь здесь перезимую. Рядовой, необученный. Нет, лучше вы к нам. Ибо знаю, какой будет ваша революция. Иногда важно не только то, кто идет в отставку, а и то, кто отправляет. Мы, кажется, уже вошли в африканский или латиноамериканский круг переворотов, когда от изменения хозяина президентского дворца меняются только счета его свиты, однако не благосостояние подданных. Ау! Для того чтобы Украина очистилась, придется привлекать к ответственности не только ее нынешних властителей, но и их преемников.

Февраль. ПИМЕН ПАНЧЕНКО

На нынешней неделе я попробовал писать комментарии для белорусской службы радио "Свобода". Было очень тяжело: хотя я прочитал много белорусских книжек, самому читать тексты для радиозэфира оказалось труднейшей задачей! Тем не менее я навсегда избавился от советской иллюзии о том, что белорусский язык настолько похож на русский или украинский, что его якобы и не существует. Когда начинаешь говорить на белорусском, сразу же ощущаешь всю его своеобразность, насыщенность и непринужденную мягкость, которую в украинском заменяет такая же естественная музыкальность... Просто это очень разные музыкальные инструменты. Как можно было этого не замечать?

Тем не менее, я не хотел бы углубляться в филологические штудии. Мне было важно самому себе объяснить, почему возникло это желание - хотя бы иногда говорить с белорусами на их родном языке? Когда в начале учебы в Москве я раз и навсегда решил остаться в украинской журналистике, это не было проблемой выбора, ибо это была моя журналистика. Белорусская - журналистика другой страны. Однако я всегда ощущал невыразимую боль умирающих, наказанных неизвестно за какие грехи языка и культуры... В школьные годы я ездил за белорусскими книжками на станцию Поречье неподалеку от литовского Друскининкай - потом на ее печальном фоне будут снимать один из первых фильмов перестройки "Меня зовут Арлекино". В книжном магазине Поречья книжки накапливались, словно в библиотеке: некому было их покупать, они уже и не ожидали читателя, а просто тихо умирали. Я запомнил на всю жизнь то непередаваемое детское впечатление: покорное умирание прекрасных книжек в станционном книжном магазине...

Возможно, я хотел сделать это лишь ради одного человека - белорусского поэта Пимена Панченко. В одном из своих предсмертных стихотворений - я переписал его приблизительно 13 лет назад из минской газеты "Літаратура і мастацтва" - Панченко простился не с читателем, а с родным языком. Это стихотворение заканчивается так - полагаю, перевод здесь не нужен:

Родны Янка Купала,

Вы пісалі:

"Я веру: настане..."

Дарагі мой Иван Дамінікавіч,

Не, не настане!

Гэта ўжо не світанне,

Гэта наша настала змярканне,

Гэта з мовай маёй,

Гэта з песняй маёй

Развітанне

Почему-то эти строки я тоже запомнил. Представлял такую картину: старик поэт, почти классик, время подводит итоги, а главный из них - скоро просто не будет читателей, история не оставляет ему шанса иметь собеседника... Генетически я происхожу из такой же умершей культуры - культуры идиш. Однако читатель идиша не просто ассимилировался - главным местом его "ассимиляции" стали Освенцим и Баби Яр... А белорусы - живут, живут в этой атмосфере "развітання", прощания со своей культурой. И даже сегодня непонятно, есть ли сила, способная изменить эту ситуацию... Один из зарубежных критиков моих дневников упрекнул меня в ненависти к белорусскому народу, который прикипел сердцем к своему президенту... Что ж, я должен быть последовательным, хотя бы ради памяти Пимена Панченко и таких, как он, - белорусских интеллигентов, все-таки надевавшихся, что их язык и культура будут спасены. И именно поэтому буду пытаться говорить по-белорусски...

Соседи всегда будут для нас примером того, что мы остановились буквально в шаге от той ужасной пропасти, после падения в которую будет уже поздно спасать культуру от окончательного уничтожения. Наши "маленькие" украиноязычные западные области - это средняя европейская страна. Наш центр, тоже понемногу возвращающийся к украинскому, - это уже страна большая. Припоминаю, как блуждал улицами Гродно, возможно, самого романтического из белорусских городов, в надежде услышать хотя бы чуть-чуть белорусского. И услышал! Двое интеллигентных молодых людей (один из них оказался как раз преподавателем белорусского) живо общались между собой на языке, который я до того видел лишь в книгах... Шел 1980 год... С того времени ситуация, конечно, изменилась. Однако до сих пор люди, разговаривающие по-белорусски, выглядят эдакой суеверной сектой на собственной родине... Это и впрямь страшно... Никакой болтовней об общей судьбе, союзном государстве и братьях-славянах не оправдать это национальное самоуничтожение... Народ, который избавляется от самого себя, никогда не будет счастливым народом.

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Примас Польши кардинал Юзеф Глемп: "Я верю, что такова воля Божия: Богу угодно, чтобы мы вошли в общую Европу. Было бы плохо, если бы этого не произошло". ("Жечпосполита", 18 февр.)
- Согласно опросу ЦИМО, 69% поляков, намеревающихся участвовать в референдуме, поддержат вступление Польши в Евросоюз. Против высказываются 20% опрошенных. Явка на референдум, по данным опроса, должна составить 78%. ("Газета wyborча", 7 марта)
- В документе, направленном польским властям Европейской комиссией, перечислены сферы, в которых переход к нормам Евросоюза происходит с опозданием. Подобные документы получили и другие страны-кандидаты за исключением Словении, однако в документе, направленном Польше, описано больше всего задержек. Выполнение обязательств, принятых на переговорах о вступлении в ЕС, будет проверяться каждые три месяца - вплоть до окончательной оценки 5 ноября. ("Жечпосполита", 7 марта)
- "В европейской семье не будет разделения на мам, пап и детей, которые еще не доросли до партнерства", - предупредил в Брюсселе лидеров "15-ти" министр иностранных дел Польши Влодзимеж Цимошевич. Днем раньше президент Франции Жак Ширак заявил, что Польше и другим странам-кандидатам следовало

бы держать язык за зубами вместо того, чтобы поддерживать стратегию США в Ираке. По мнению Ширика, такое поведение было "инфантильным". (Енджей Белецкий, "Жечпосполита", 19 февр.)

- Европейский комиссар по внешним сношениям Крис Паттен: "Евросоюз - это не Варшавский договор. У стран есть свое мнение, и они должны его выражать". ("Газета wyborcza", 19 февр.)
- "С точки зрения польской геополитики, перспектива того, что Америка бросит Европу, подрывает наше чувство безопасности. А Германия, отдаляющаяся от всей остальной Европы и ведущая собственную, независимую политику, - это уже совсем мрачный сценарий. До сих пор Берлин гордился европеизацией своей внешней политики. Возвращение [Германии] к собственной политике, ее новый национализм и сепаратное сближение с Россией возрождает все польские страхи родом из Рапалло". (Марек Островский и Адам Шосткевич, "Политика", 22 февр.)
- Строительство шести стратегических радаров дальнего радиуса действия, способных обнаруживать баллистические ракеты и следить за их передвижением, начнет в Польше НАТО. На эту цель Североатлантический союз выделил 210 млн. долларов. Это крупнейшая инвестиция НАТО в Польшу. ("Жечпосполита", 3 марта)
- По словам президента Александра Квасневского, Польша закупит 1,1 млн. прививок от оспы, вирус которой может находиться в арсеналах Ирака и террористов. ("Газета wyborcza", 20 февр.)
- В настоящее время в Польше пребывает 2400 иракцев. Более 1100 из них закончили польские вузы. В 70-80-е гг. в разведцентрах ПНР прошли подготовку почти 120 иракцев. Их учили, в частности, организации диверсионных операций. В 90-е полтора десятка из них, пользуясь поддельными паспортами, приезжали в Польшу под видом сотрудников торговых фирм. (Виолетта Красновская, "Впрост", 23 февр.)
- По данным опроса ЦИОМа, 62% поляков высказываются против поддержки американской военной операции в Ираке. 29% придерживаются противоположного мнения. ("Жечпосполита", 13 февр.)
- "Политика расширенного Европейского союза: отношения с новыми соседями" - так называлась конференция, организованная польским МИДом и Фондом Стефана Батория. Открывая конференцию, президент Александр Квасневский предостерег: "Расширение [ЕС] не должно привести к созданию на континенте нового занавеса, даже если он будет бархатным". Среди нескольких сот участников двухдневной конференции были гости из стран-членов Евросоюза и государств Восточной Европы: Белоруссии, Молдавии, России и Украины, а также ведущие польские политики. ("Жечпосполита", 21 февр.)
- В неофициальном документе о восточной политике Евросоюза польский МИД назвал отмену виз одним из основных условий установления близкого сотрудничества со странами бывшего СССР. ("Жечпосполита", 26 февр.)
- В течение года граждане России пересекают польскую границу около миллиона раз. Большинство из них приезжает в Польшу многократно. ("Газета wyborcza", 6 марта)
- Россия предупредила, что "ввести в действие новое двустороннее соглашение [о порядке пересечения границы] до 1 июля вряд ли представляется возможным". Это означает, что в дальнейшем в отношениях между двумя странами "будут применяться национальные законы, регламентирующие порядок передвижения иностранных граждан". Пожелавший остаться неизвестным российский дипломат сказал: "У меня складывается впечатление, что Москве не понравилось предложение Варшавы: принимая т.н. украинский вариант, мы не вводили бы виз для поляков, а Польша выдавала бы их россиянам бесплатно. То, что Польша осмелилась предложить нечто подобное, могло кое-кого сильно задеть". Российский дипломат пояснил также, что предупреждение о применении "национальных законов" следует рассматривать как предостережение: с 1 июля получение российской визы может стать для поляка трудным, длительным и дорогостоящим процессом. (Вацлав Радзивиллов, "Газета wyborcza", 7 марта)
- О. Бронислав Чаплицкий стал четвертым за год польским священнослужителем, выдворенным за пределы России. О. Бронислав служил на территории бывшего СССР уже 12 лет: был преподавателем Санкт-Петербургской духовной семинарии, написал книгу "Мартирология Католической Церкви в СССР", в которой можно найти около 2 тыс. имен католических священников и мирян, репрессированных за веру, занимался подготовкой беатификационного процесса мучеников, погибших от рук большевиков. Шесть лет

он проработал на Кавказе: в Чечне, Дагестане и Осетии. В Грозном о. Бронислав основал приход, объединявший главным образом русских. ("Жечпосполита", 24 февраля, "Газета выборча", 1-2 марта)

- Депутат Януш Левандовский, бывший министр по делам преобразования форм собственности: "Есть все основания пересмотреть наше отношение к российскому капиталу. Пора избавляться от исторических предубеждений - конечно, сохраняя при этом необходимую осторожность (...) Мы привыкли видеть в нашем восточном соседе угрозу. Польша, поддерживаемая НАТО и участвующая в процессе европейской интеграции, может позволить себе больший прагматизм (...) Россияне знают о наших предубеждениях. Знают они и о том, что нам известны их прежние хищнические методы в Центральной и Восточной Европе. Нам известны случаи злоупотреблений силовыми методами российских концернов в Румынии (Плоешти), Болгарии (Бургас), Литве (Мажейкяй) и Латвии (Вентспилс). Повторение подобных методов в Польше лишит российский капитал перспектив в нашей стране. Мы не обречены на Россию. В долгосрочной перспективе россияне - одна из наших возможностей, если только они будут придерживаться принципов равноправного партнерства". ("Газета выборча", 24 февр.)
- Вице-премьеры России и Польши Виктор Христенко и Марек Поль подписали дополнительный протокол к заключенному 10 лет назад соглашению о поставках в Польшу российского газа. Основные положения протокола касаются сокращения импорта российского газа на треть по сравнению с прежними договоренностями. Поскольку до сих пор построена (причем не до конца) лишь одна из двух нитей ямальского газопровода, а решения о продолжении инвестиций все еще нет, Польша будет дополнительно получать газ из трех других пунктов на границе. По мнению вице-преьера Поля, реализация контракта с Норвегией, обеспечивающего диверсификацию снабжения [Польши] газом, будет зависеть от спроса. ("Жечпосполита", 13 февр.)
- "12 февраля вице-премьер Марек Поль подписал [польско-российское] соглашение о поставках газа (...) Соглашение это санкционирует невыполнение россиянами их прежних обязательств по строительству второй нити ямальского газопровода. Кроме того, вице-премьер Поль согласился уже с будущего года снизить оплату за транзит российского газа в Германию до уровня 1 доллара, т.е. до ставки, которая в два-три раза ниже средней по Западной Европе и в полтора раза ниже транзитной оплаты на Украине. Можем ли мы - после столь выгодного для России решения газовой проблемы - рассчитывать на ускоренное развитие наших экономических контактов? Пока ничто об этом не свидетельствует (...) Польско-российские экономические отношения начинают напоминать русскую матрешку: снимешь одну проблему - появляется следующая". (Анджей Кублик, "Газета выборча", 22-23 февр.)
- "Нет смысла рассчитывать на то, что в ближайшее время наш экспорт в Россию возрастет. Торговый обмен, составляющий 5 млрд. долл. в год (с перевесом импортируемого Польшей сырья), - это приблизительно столько, сколько логически вытекает из объема рынков. В Польше может появиться немного российских инвестиций, но к ним следует относиться крайне осторожно - особенно в энергетическом секторе (...) Газовый договор с Россией действительно уменьшил обязательную закупку газа на 35%, но в то же время продлил срок контракта и на долгие годы блокировал подлинную диверсификацию источников газа. Взамен мы получили туманные обещания строительства второй и расширения первой нити ямальского газопровода". (Ежи Марек Новаковский, "Впрост", 2 марта)
- За последние годы польский экспорт в Россию увеличился на 20%. Однако в торговом обмене между двумя странами продолжает сохраняться трехмиллиардный дефицит. Российский экспорт в Польшу - это прежде всего сырье: нефть и природный газ. В 2000 г. их стоимость составляла 89% всего польского импорта из России, продолжающей оставаться для Польши главным поставщиком этого сырья. ("Жечпосполита", 21 февр.)
- Начиная с 1989 г. все польские правительства требовали от России компенсаций за сталинские репрессии. Перелом наступил лишь после заявления Владимира Путина, сделанного во время визита в Варшаву. Российский президент признал, что в принципе притязания поляков справедливы. Действующий в России закон о жертвах репрессий предусматривает компенсацию в размере 2 долл. 38 центов (менее 10 злотых) за месяц пребывания в лагере. Максимальный размер компенсации не может превышать возмещения за 100 месяцев заключения, т.е. составляет менее 1000 злотых. Авиабилет в Магадан стоит 700 долларов - почти в три раза больше, чем размер максимальной компенсации. ("Газета выборча", 21 февр.)
- Посетивший Варшаву премьер-министр России Михаил Касьянов сообщил, что поляки - жертвы сталинских репрессий смогут получать компенсации на тех же основаниях, что и россияне, - около 10 злотых за месяц пребывания в лагере. ("Тыгодник повсехный", 2 марта)

- Президент Литвы Роландас Паксас заявил, что возвращение земли литовским полякам будет завершено до 2004 года. Литовский президент назвал Польшу стратегическим партнером Литвы. ("Жечпосполита", 8-9 марта)
- 20 лидеров белорусских неправительственных организаций примут участие в "Польско-белорусской академии новой Европы". Лекции и дискуссии будут посвящены проблемам самоуправления, гуманитарной помощи и экологии. По мнению Яна Анджея Домбровского, председателя Коллегии Восточной Европы, которая организовала эту встречу во Вроцлаве, "белорусы чувствуют себя одиночками. Отъезд миссии ОБСЕ и посольств европейских государств еще более обострил изоляцию. Мы хотим противодействовать этому, создавая сеть контактов на уровне неправительственных организаций". ("Жечпосполита", 17 февр.)
- Первый секретарь посольства Польши в Белоруссии был избит белорусским милиционером. ("Жечпосполита", 3 марта)
- По данным последней всеобщей переписи населения на Украине, в течение десяти лет число поляков в этой стране уменьшилось на 70 тыс. человек. Куда они подевались? (Петр Косцинский, "Жечпосполита", 18 февр.)
- По данным украинского Госкомстата, в 2001 г. на Украине жило 147,9 тыс. поляков, что означает уменьшение численности польского населения на 34,2% по сравнению с 1989-м. ("Пшеглэнд православный", февр.)
- "Преступлениям против человечества не может быть оправдания. Но даже самая горькая правда, касающаяся прошлого, не должна повредить прекрасным отношениям Польши и Украины", - сказал президент Леонид Кучма во время встречи с президентом Александром Квасневским, имея в виду 60-ю годовщину массовых убийств на Волыни. В 1943 г. украинские националисты убили несколько десятков тысяч поляков, живших на Волыни. В свете необходимости введения Польшей виз в связи с европейской интеграцией президенты Польши и Украины заявили, что польские визы будут выдаваться гражданам Украины бесплатно, а поляки смогут въезжать на Украину без виз. ("Жечпосполита", 3 марта)
- Председатель украинского парламента Владимир Литвин: "Мы не будем просить у поляков прощения за резню на Волыни, так как в те времена еще не было украинского государства". ("Жечпосполита", 3 марта)
- Министр иностранных дел Украины Анатолий Зленко: "60-я годовщина трагических событий на Волыни станет одним из главных моментов польско-украинских контактов в 2003 году. (...) Мы планируем строительство памятника польской и украинской мартирологии наподобие испанской Долины павших". ("Впрост", 9 марта)
- "Можно практически не сомневаться в том, что наш сосед и стратегический партнер, которого Польша защищает в европейских структурах, впишет в официальную историческую традицию своего государства крайне националистическую кровавую организацию [УПА - Украинскую повстанческую армию]. Может ли такой "стратегический партнер" быть для Польши безопасным? (...) В будущем отсутствие правды о человеконенавистническом и террористическом характере ОУН-УПА может представлять угрозу для Польши и причинить вред самой Украине". (Эва Семашко, "Жечпосполита", 22-23 февр.)
- Проф. Иренеуш Кшеминский, социолог: "Из исследований мы знаем, что среди поляков все еще распространены антисемитские настроения. В начале 90-х неприязнь к другим народам стала ослабевать, однако к концу прошлого десятилетия она вновь усилилась. В нашем обществе все время наблюдается неприязнь к чернокожим (...) Мы представляем собой как бы незаконченное, незавершенное общество. Наши учреждения работают плохо и скорее паразитируют на гражданах, нежели служат им. К сожалению, государство (...) не занимается разумной регуляцией общественных отношений, не укрепляет положительных сторон общественной жизни, не помогает человеку ковать его судьбу". ("Жечпосполита", 14 февр.)
- "В американских штатах Канзас и Миссури 10 марта объявлено днем Ирены Сендлер. В Польше ее фамилии не встретишь в учебниках истории. Оскар Шиндлер спас 1100 евреев, Ирена Сендлер - 2500 еврейских детей (...) Общество детей Катастрофы решило выдвинуть Ирену Сендлер в кандидаты на получение Нобелевской премии мира (...) В Варшаве действует Общество детей Катастрофы, объединяющее более 800 человек. Руководит им Эльжбета Фицовская, одна из спасенных Иреной Сендлер (...) "Легче говорить о Януше Корчаке, чем об Ирене Сендлер, ибо она заставляет нас осознавать, чего мы

не сделали, хотя могли бы сделать", - говорит политолог из Стокгольмского университета Лешек Кантор". (Александра Завлоцкая, "Впрост", 16 февр.)

- "Мы можем и должны помогать чеченским беженцам. Для них Польша - всего лишь остановка по пути на Запад, однако в действительности большинство из них останется здесь, так как Запад не хочет их принимать. У нас до сих пор нет никакой программы помощи этим людям кроме предоставления им статуса беженцев, да и то не всегда. После теракта в Театральном центре на Дубровке наше правительство отказало группе беженцев в праве на въезд в Польшу. Целых две недели эти люди кочевали на вокзале в Бресте". (Ежи Рогозинский, "Нове ксьонжки", март)
- С начала этого года польские врачи создают родильные отделения в больницах на афгано-пакистанской границе. В Кандагаре строится польская больница. ("Жечпосполита", 4 марта)
- По данным третьего ежегодного отчета о положении в приютах для бездомных животных, смертность собак в результате стрессов, болезней и драк в переполненных клетках снизилась с 7 до 6%; с 24 до 18% уменьшилась доля собак, усыпленных, чтобы освободить место для следующих. С кошками дело обстоит хуже - более 50% из них не в состоянии выжить в приютах, в т.ч. 19% умирают от стрессов и болезней. У кошек в два раза меньше шансов найти себе хозяина. На своей совместной пресс-конференции организации по охране животных призвали исключить из закона об охране животных положение, разрешающее охотникам отстрел кошек и собак. ("Газета wyborcza", 11 февр.)
- Свящ. Адам Шульц, пресс-секретарь Епископата Польши: "В Польше действует около 150 всепольских и больше тысячи местных церковных обществ и фондов, занимающихся помощью нуждающимся. В их работе принимают участие почти 2,5 млн. человек. Наибольшее влияние на общественную деятельность Церкви оказывают молодые священники (после 1989 г. в Польше было рукоположено 10 тыс. человек), которые много путешествовали, видели, как организованы приходы за границей, брали пример с протестантских приходов". ("Впрост", 2 марта)
- По данным Главного статистического управления (ГСУ), в январе безработица возросла с 18,1 до 18,7%. Работы не было у 3,3 млн. человек. В течение месяца в Польше появилось 104 тыс. новых безработных. ("Жечпосполита", 22-23 февр.)
- Из выступления Анджея Леппера на демонстрации, на несколько часов парализовавшей движение в Варшаве: "Нас много. Если каждый из нас проголосует за "Самооборону", власть будет наша. Мы будем протестовать и блокировать дороги до тех пор, пока не возьмем бразды правления в свои руки". ("Жечпосполита", 5 марта)
- "Не платить налоги государству или не выплачивать жалованья рабочим? Перед лицом этой дилеммы оказались более полутора тысяч польских предприятий. Почти тысяча из них, обеспечивающая занятость в общей сложности 120 тыс. человек, месяцами не платят рабочим. Более четырехсот предприятий не платят ни рабочим, ни государству. Большинство из них на нарушение закона толкает само государство. Платя рабочему среднюю зарплату, работодатель должен дополнительно отдавать государству эквивалент почти 90% этой суммы. Выплачивая жалование в размере двух средних зарплат, он должен еще столько же платить государству (...) Анализы Лаборатории социальных исследований показывают, что в 2002 г. каждый семнадцатый польский трудящийся (всего свыше 700 тыс. человек) не получал зарплату вовремя". (Янина Бликовская и Виолетта Красновская, "Впрост", 16 февр.)
- Проф. Вацлав Вильчинский: "Государственный сектор разрушает экономику. Его доля в нашем экспорте составляет 10%, в ВВП - 25%, а в имуществе - 50%. Эти показатели говорят сами за себя". ("Впрост", 16 февр.)
- Согласно докладу Европейской комиссии о рынке труда, только 53,8% поляков производственного возраста имеют работу. В деревне все еще работают 19,2% людей производственного возраста (в странах ЕС - 4,2%). В промышленности, несмотря на огромный прогресс, наблюдающийся в последние годы, производительность труда рабочего до сих пор составляет лишь 45% от производительности труда в Евросоюзе. ("Жечпосполита", 21 февр.)
- "Из-за сохранения постоянных дотаций на производство зерна (...) в прошлом году у нас было 4 млн. тонн его излишков (...) Зерна у нас слишком много, но несмотря на это стоит оно дорого, а крестьяне зарабатывают слишком мало. Зерна слишком много, значит, слишком много и свиней, а поскольку их выращивание обходится слишком дорого, производители слишком мало зарабатывают. Следовательно,

дотации из налоговых поступлений на производство зерна привели нас к необходимости давать дотации (из тех же налоговых поступлений) на закупку свинины". (Михал Зелинский, "Впрост", 23 февр.)

- "На протяжении последних 12 лет все сменяющие друг друга правительства тратят больше, чем зарабатывают. В 1997 г. расходы превысили доходы на 5,9 млрд. злотых, в 2002-м - уже на 39,8 миллиарда. Иными словами, дефицит возрос почти в семь раз, в то время как бюджетные доходы - только на 20%. Вдобавок растет процент т.н. твердых, т.е. гарантированных законами расходов. В 1999 г. они составляли 58,2% бюджета, теперь - 67,8%". (Ян Пинский и Михал Зелинский, "Впрост", 23 февр.)
- "В Польше служебная машина и шофер есть у каждого бургомистра поветового города. По польским дорогам ездит почти 50 тыс. служебных машин, принадлежащих министерствам, ведомствам, учреждениям и государственным фирмам. Это рекорд Европы в беззаботной растрате государственных денег (...) Ежегодно налогоплательщик платит за комфорт передвижения чиновников 4 млрд. зл. (...) В Великобритании машина и шофер для служебного пользования полагаются лишь сорока лицам". (Анджей Кропивницкий, "Впрост", 23 февр.)
- В начале января 67% поляков не верили в раскрытие дела о взятке в 17,5 млн. долларов, которую Лев Рывин потребовал у Адама Михника за изменения в законе [о телевидении и радиовещании]. Спустя месяц эта цифра снизилась до 54%. Допрос первого свидетеля следственной комиссией Сейма смотрели полтора миллиона телезрителей, т.е. в два раза больше, чем обычно в это время. По мнению режиссера Януша Маевского, работа комиссии - столь же захватывающее зрелище, как футбольные матчи. "Это что-то вроде reality show", - утверждает Маевский. Депутат Людвик Дорн считает, что у комиссии есть уникальный шанс: она может установить позитивные стандарты общественной жизни. Кроме желания раскрыть аферу, членов комиссии объединяет (может быть, даже прежде всего) еще одно - телекамеры и редкий шанс сделать головокружительную политическую карьеру. (Михал Катновский и Амелия Лукасяк, "Ньюсуик-Польша", 23 февр.)
- Мирослава Мароды, социолог: "Заседания комиссии стали событием значительно более крупным, чем можно было предположить (...) Теперь дело уже не спрячешь под сукно (...) Эта комиссия наконец-то напомнила нам о забытом понятии общего блага: оно не используется напрямую, но проступает в вопросах членов комиссии, которые забывают, что представляют конкурирующие партии, интересы которых они могли бы отстаивать, и начинают просто-напросто выяснять правду". ("Жечпосполита", 18 февр.)
- Премьер-министр Лешек Миллер обратился в Агентство внутренней безопасности с просьбой проверить, не ссылается ли на него (как это сделал Лев Рывин) его единокровный брат Славомир и не привело ли это к коррупции государственных чиновников. ("Тыгодник повшехный", 16 февр.)
- Газета "Трибуна" (бывшая "Трибуна людю"), связанная с правящим "Союзом демократических левых сил" (СДЛС), отказалась напечатать на своих страницах письмо бывшего первого секретаря ПОРП и премьер-министра Мечислава Раковского. В письме, в частности, говорится: "Не знаю, чем закончится вся эта чрезвычайно гнусная афера [Рывина], однако считаю необходимым напомнить, что разразилась она в период правления левых (...) В связи с этим мне кажется, что руководство партии должно создать Всепольский совет СДЛС и выложить на нем обстоятельства, касающиеся всех аспектов этого дела, в которое так или иначе замешаны политики СДЛС". ("Газета wyborcza", 17 февр.)
- Президент Александр Квасневский и премьер-министр Лешек Миллер заявили о намерении взаимодействовать друг с другом. ("Жечпосполита", 26 февр.)
- Из сообщения Польского агентства печати (ПАП) о встрече фракции СДЛС с министрами (правительства и канцелярии президента) в президентском дворце: "Если кто-нибудь из дворцовых [президентских] или правительственных кругов сделает что-либо направленное против друзей с противоположной стороны, он будет устранен". ("Тыгодник повшехный", 9 марта)
- Проф. Эдмунд Внук-Липинский, социолог: "Ситуация в Польше напоминает то, что творилось и до сих пор творится в южной Италии и что американские социологи называли "аморальной семейственностью": в интересах своей группы люди готовы прибегнуть к любым средствам, лишь бы добиться цели, пусть даже самой низкой". О. Мацей Земба, доминиканец: "Невозможно поступать морально, когда интересы собственной группы важнее общего блага". ("Впрост", 16 февр.)
- Согласно опросу ЦИМО, число негативных оценок правительства возросло с 60 до 70%. Число негативных оценок премьера возросло на 11% (до 56%), а президента - на 5%. ("Газета wyborcza", 26 февр.)

- Премьер-министр Лешек Миллер: "Отказавшись поддержать правительственные законопроекты, [крестьянская партия] ПСЛ поставила себя вне коалиции (...) Я, как премьер, не одобряю этого и более не могу с этим мириться (...) "Союз демократических левых сил" останется в коалиции с "Унией труда"". ("Газета wyborcza", 3 марта)
- Новым министром сельского хозяйства назначен Адам Танский, а министром охраны окружающей среды - Чеслав Слезак. Таковы первые последствия распада коалиции СДЛС и ПСЛ. "Имея возможность выбора из нескольких лидеров крестьянских (или по крайней мере называющих себя крестьянскими) группировок, премьер выбрал пользующегося всеобщим уважением беспартийного профессионала (...) поскольку Танский, редкий в Польше специалист по финансированию сельскохозяйственного производства, может оказаться незаменимым в процессе вступления в Евросоюз". (Мацей Рыбинский, "Жечпосполита", 4 марта)
- Согласно опросу ЦИОМа, 90% поляков утверждают, что для польской политики характерно комплектование кадров родственниками, друзьями и знакомыми. 85% считают, что чиновники берут взятки за рассмотрение дел, т.е. за исполнение своих прямых обязанностей. За последние два года число людей, разделяющих это мнение, увеличилось на 12%. ("Газета wyborcza", 21 февр.)
- Проф. Яцек Курчевский, социолог, бывший вице-маршал Сейма: "По уровню коррупции Польша стоит на 44-м месте в мире. Занимающие 10-е место британцы свысока глядят на американцев, которые занимают лишь 16-е место". ("Газета wyborcza", 8-9 марта)
- Юлия Питера, председатель польского отделения организации "Transparency International", выступающей за искоренение коррупции: "Ни одна из крупных афер, связанных с обогащением за счет государственного бюджета, не закончилась вынесением приговора. Дела либо прекращались, либо не доходили до прокуратуры (...) Политики и партии относятся к государству как к своей добыче". Гражина Копинская из программы Фонда Стефана Батория "Против коррупции" считает, что подобные ситуации деморализуют общество: "Люди не верят в эффективность государства, не верят в справедливость. Они видят, что все можно купить или устроить". ("Ньюсуик-Польша", 2 марта)
- "Парламент, суды и прокуратуру обвиняют в коррупции, слишком тесных связях с бизнесом и даже с преступными группировками. Учреждения, которые по определению должны быть независимыми, такие, как Всепольский совет по делам телевидения и радиовещания или Высшая контрольная палата, подвергаются давлению со стороны бизнеса и политики, а качество польского законодательства оставляет желать лучшего. В такие времена репутацию непредвзятого арбитра снискал Конституционный суд. "Он стал на страже правового государства", - говорит сотрудник Института политических наук ПАН Збигнев Сковронский (...) Суд следит за тем, чтобы Польша не сбилась с курса, намеченного в 1989 году. (...) У половины судей Конституционного суда за плечами политическая карьера, однако после вступления в должность они позабыли о своих партиях. Об этом свидетельствует тот факт, что 80% решений было принято единогласно (...) С октября 1999 г. решения [Конституционного суда] окончательны (...) Действия суда оценивает положительно половина общества. Это много, если учесть (...) что 60% граждан оценивают работу судов отрицательно. Лишь 17% поляков выставляют положительную оценку Сейму". (Агнешка Рыбак, "Ньюсуик-Польша", 16 февр.)
- В рейтинге популярности политиков, составленном институтом исследований общественного мнения и рынка "Пентор", первую позицию продолжает удерживать Александр Квасневский с 76-процентной поддержкой. На втором месте Лех Качинский (президент, т.е. мэр, Варшавы, бывший министр юстиции) - 59%, на третьем Марек Боровский (маршал Сейма) - 54%. ("Впрост", 2 марта)
- Проф. Ежи Едлицкий, историк: "["Уния свободы"] была не без греха, но по сравнению с другими она считалась партией честных людей. Однако ей это отнюдь не помогло: общество (...) отправило ее на свалку истории не потому, что в ней были испорченные или коррумпированные люди. Наоборот, если "Уния свободы" чем-то и раздражала избирателей, то в значительной мере именно своей честностью. В Чехии в аналогичной ситуации оказался Вацлав Гавел: я читал, что половина общества не любила своего президента, хотя он мог служить примером благородства и мудрости (...) Я не совсем понимаю этот механизм, но, скорее всего, он заключается в следующем: люди покроя Гавела или Мазовецкого раздражают плебс именно тем, что они руководствуются принципами, что они неподкупны, не участвуют в закулисной возне, не ищут признания и т.д. Они лучше, чем окружающие, и этого им не могут простить (...) [Однако] реакция на аферу Рывина внушает оптимизм. Оказалось, что, кто бы ни скрывался за Рывиным, политический организм III Речи Посполитой начал защищаться от опасных токсинов. Включилась наконец защитная реакция, и это бесспорная заслуга Адама Михника". ("Тыгодник повшехный", 2 марта)

- В варшавском Дворце культуры и науки открылась выставка "Призрак коммунизма". Ее организатор - основанный в 1999 г. фонд "СоцЛанд". Выставка стала предвестником мультимедиа-экспозиции в Музее коммунизма, созданном усилиями "СоцЛанда" в здании металлургического комбината в краковском районе Нова Гута (см. статью Натальи Горбаневской на стр. 56). ("Жечпосполита", 3 марта)

2: ЛЕТОПИСЕЦ

Януш Андерман (род. 1949) дебютировал в 1975 г. повестью «Игра в испорченный телефон», очень хорошо принятой как литературной критикой, так и читателями. Не меньшим успехом пользовалась его следующая книга «Игра на промедление». Происходящие в обоих произведениях события, главный участник которых — слоняющийся по Кракову аутсайдер, — великолепная иллюстрация быта и нравов коммунистической Польши. Наделенный абсолютным слухом рассказчик, фиксируя живую речь, будь то язык улицы, канцелярит или пьяное бормотание, блестяще передает атмосферу того времени.

Во второй половине 70-х Андерман вошел в состав редакции издававшегося нелегально ежеквартального литературного журнала «Пульс»; во время военного положения он был интернирован, провел несколько месяцев за решеткой, а затем уехал в Лондон, где работал, в частности, в эмигрантском издательстве «Пульс». Тогда же он напечатал сборник рассказов «Край света», где не только описана абсурдная действительность страны, управляемой генералами, но и в кривом зеркале показана среда оппозиционеров.

«Фотографии» (2002) — попытка обобщить разного рода опыт послевоенной Польши. Рассказчик случайно обнаруживает в подвале чемодан, «как оказалось, набитый фотографиями. Главным образом семейными, снимками нескольких поколений; многих из этих людей, навечно застрявших на бумаге, как мошки в желтом кусочке янтаря, я уже не могу узнать». Некоторые снимки сделаны самим автором, на иных он присутствует, то есть фотографировал кто-то другой. Таким образом, очевидно, что перед нами не полный комплект, а некая выборка; небезынтересны принципы выбора, его критерии. Тем более что налицо стремление уловить ритм перемен, происходивших в польской действительности вплоть до последних дней — как в самой Польше, так и в эмиграции, как в официальных, так и в оппозиционных кругах. Стилистика повествования указывает на один из важнейших критериев составления коллекции картин — принцип личного свидетельства. Кроме того, рассказчик старается отождествить себя с автором, чем подчеркивается сходство собранных в книге текстов с репортажем (которым, впрочем, Андерман раньше занимался).

Второй критерий — принцип непрерывности личного опыта, вписанного в контекст опыта социального и исторического. Здесь нет места интимности — даже в наиболее соответствующей этой формуле зарисовке под названием «Дедушка ксендз» история семьи рассказчика сплетена с его реальной судьбой: «Фамилия дедушки была Яжембский. Яжембские — это много поколений скрипачей-виртуозов и педагогов. Первый в династии, как гласит семейное предание, — Адам Яжембский, композитор и поэт, придворный капельмейстер короля Владислава IV. Эта должность указывает на некую связь между мной и Марианом Брандысом, в „Дневниках” которого я прочитал, что один из его предков был лекарем при дворе Владислава IV. Так что они должны были быть хорошо знакомы; сейчас я это запишу, обрадовался Мариан Брандыс, когда я позвонил ему и сообщил эту новость». Здесь трудно отделить вымысел от реальности: так или иначе, Мариан Брандыс, сам, впрочем, занимающийся литературным репортажем, — фигура вполне реальная.

Рассказы Андермана — отрывки, мгновенные крупные планы, анекдоты, отражение собственного опыта, причем особый упор делается на его общественную и политическую окраску. Следует также обратить внимание на их поколенческий аспект — не случайно автор отводит много места бывшему редакционному коллективу краковского «Студента» или писателям, примыкавшим к группе «Тераз» [«Сейчас»] (в которую входили, в частности, Адам Загаевский и Юлиан Корнхаузер), — хотя, разумеется, не стоит рассматривать эту серию крупных планов как образ целого поколения. В результате складывается не лишенная иронического оттенка картина литературно-художественной жизни ПНР, в которую вкраплены трогательные описания среды, близкой к Комитету защиты рабочих, и судьбы тех, кто в 80 е оказался в эмиграции. Здесь много литературных «портретов» — как индивидуальных, так и коллективных; иногда автор не ограничивается рамками одного рассказа, а, как в случае с прекрасным писателем Иренеушем Иредынским, «разбрасывает» зарисовки по нескольким не связанным друг с другом текстам. В итоге мы получаем своеобразную мозаику — наблюдений? признаний? — в процессе чтения складывающуюся в панорамную картину, в которой — независимо от сопутствующих «комментариям к снимкам» ретроспекций или отступлений, опережающих развитие событий, — соблюден хронологический порядок.

Следуя за ходом событий, формирующих судьбу героя-рассказчика-автора «Фотографий», мы отдаем себе отчет в том, что описаны они постфактум и уже стали на свой лад «историческими». Рассказчику отлично известно,

куда все эти события приведут в дальнейшем: возможно, и поэтому, повествуя о себе и своем опыте, охватывающем без малого полвека нашей истории, он неизменно остается самим собой.

3: СТАЛИН, ПОЛЬША, "СТАЛИНИЗМ"

Пять первых мартовских дней 2003 г. в варшавском Дворце культуры и науки, высотном здании в самом центре столицы, продолжался фестиваль "50 лет спустя", организованный центром исследований новейшей истории "Карта" в сотрудничестве с газетой "Жечпосполита", фондом "СоцЛанд" (и всяческими другими ассоциациями) и посвященный годовщине радостно-траурной даты. 50 лет назад могло казаться, что чисто траурной: так дружно оплакивал кончину Джугашвили весь мир, включая свободный. Ан нет - на тех, что прозрели "после доклада Хрущева", "после Венгрии", "после Чехословакии", и тогда, календарной весной, но холодной зимой 53-го года, приходились миллионы эков, если не открыто (хотя и такое случалось) праздновавших кончину того, чьим "сердцем и именем" их послали в тайгу и тундру, то вздохнувших с нескрываемым облегчением: "Сдох..." Такие же вздохи облегчения и радости раздавались и на воле.

В одном из своих "Колымских рассказов" Варлам Шаламов написал, что Сталин поставил в Москве семь высотных зданий, как семь лагерных вышек. Восьмую вышку он щедро, от имени голодавшего в лагерях и на воле советского народа, "подарил" Варшаве. Поляки иногда гордятся тем, что у них, в единственной из "стран народной демократии", не был установлен памятник вождю всего человечества. Да вот же он, памятник, - Дворец культуры и науки имени Сталина, "подарок советского народа польскому", недреманное око коммунистического фюрера над польской землей.

"Тень Сталина над Варшавой" - так называлась фотография с тенью ДКиН (1989), встречавшая участников и посетителей фестиваля в вестибюле театра "Студио", где разворачивались основные события фестиваля: выступления историков, дискуссии, документальные фильмы, театральные спектакли (в том числе моноспектакль по "Реквиему" Ахматовой) и две крупные выставки. Первая - фотографии, сделанные Томашем Кизным на территории заброшенных лагерей (в том числе знаменитый цикл "Мертвая дорога") и разысканные им в архивах. Вторая - "СоцЛанд": документальные свидетельства о жизни в странах реального социализма (не беру в кавычки намеренно, так как он и был единственно реальным). Здесь самое яркое впечатление производили неустанно крутившиеся видеозаписи "кинохроники" (беру в кавычки намеренно) из Северной Кореи... В другом крыле варшавской высотки, в Кинотеке, крутили польские художественные кинофильмы, снятые в 80-90-е и посвященные временам и наследию сталинизма.

Тут мы, впрочем, подходим к спору о терминах, что я затронула, выступая в дискуссии, в которой вместе со мной участвовали украинец (Василь Овсиенко, по трем приговорам получивший 22 года и отсидевший "всего" 13), белорус, чеченец и польские историки. Я недаром (и намеренно) в заголовке этой статьи взяла это слово в кавычки. Поляки, говоря "сталинизм", чаще всего подразумевают определенный исторический период, так как у них "это" началось при Сталине - вторжением Красной армии в сражавшуюся с немецким агрессором Польшу (17 сентября 1939), массовыми арестами и высылками польского населения с земель Западной Украины и Западной Белоруссии, Катынью и, наконец, постепенным, но довольно быстрым (1944-1947) установлением режима, аналогичного советскому, - с благословения малодушных западных союзников. На мой взгляд, однако, заменять понятие коммунизма мутным термином "сталинизм" куда опаснее, чем употреблять (что тоже случается в Польше) слово "гитлеризм" вместо ясного "национал-социализм": в конце концов, национал-социализм как государственный и общественный строй появился и скончался вместе с Гитлером, а коммунизм как торжествующая система власти и победоносная интернациональная идеология порожден не ничтожным тогда наркомнацем и не умер с ним... Да, конечно, сталинская эпоха продолжалась дольше, и он успел совершить куда больше преступлений против человечества, чем Ленин и Гитлер вместе взятые, но, говоря о "сталинизме", не надо забывать, что СССР прожил под Сталиным меньше 30 лет, а под коммунизмом - почти 75.

Впрочем, это понимаем не только мы. В передовой статье "Слова о Сталине", специального приложения к газете "Жечпосполита" (2003, 1 марта), подготовленного газетой совместно с "Картой", Мацей Росаляк, в частности, пишет:

"Нам хотелось бы, чтобы читатель помнил, что сталинизм не был искажением верного учения коммунизма и не кончился вместе с агонией самого Сталина. Учение с самого начала было преступным, а массовый геноцид, террор и разрушение нравственных принципов, ткани общества и экономики начал товарищ Владимир Ильич Ленин - первый советский вождь. Сталин оказался его самым понятливым и верным учеником, так что так называемый период культа личности - логическое продолжение большевистской революции".

В общем, как говорилось в моем детстве, "Сталин - это Ленин сегодня" - и это был, наверное, единственный лозунг советской пропаганды, говоривший чистую правду.

Но все-таки вернемся в Польшу, которая благодаря победе над большевистскими полчищами, одержанной в 1920 г. на подступах к Варшаве, не пережила на своей шкуре ленинского периода коммунизма (и не стала плацдармом для триумфального шествия революции по всей Европе). Действительно ли "сталинизм", т.е. коммунизм при жизни Сталина, держался здесь на советских - а то еще для простоты скажут "на русских" - штыках? Материалы из "Слова о Сталине" показывают, что если он и был установлен на чужих штыках, то держался на своем, польскими руками проводимом терроре, на отечественной, польским "новоязом" проводившейся пропаганде, на сдаче и почти гибели крупного отряда польской творческой интеллигенции. (Почти - потому что здесь это продолжалось не так долго и вскоре же после смерти Сталина, зачастую даже не дожидаясь XX съезда КПСС, многие из этих сдавшихся интеллигентов успели опомниться и, как справедливо выражается Ежи Помяновский, "пять лет грешили, а потом 45 лет отрабатывали".)

В статье "Портрет, вырезанный из газеты" Кшиштоф Маслонь собрал польские отклики на смерть "вождя и учителя" - от воспоминаний Леопольда Инфельда, "выдающегося физика, сотрудника самого Эйнштейна" (воспоминания, естественно, не о Сталине, а о том, какой энтузиазм царил на банкете Всемирного совета мира в последний, 1952 г., день рождения товарища Сталина) до репортажа из сельского клуба. Тут уже не всемирный, а польский "акцент": старая бабка принесла в клуб, к портрету Сталина, букетик герани и "стала на колени в молитве".

Среди встречающихся в статье имен польских писателей, откликнувшихся на смерть Сталина, преобладают, конечно, верные лакеи режима, но есть и немало будущих оппозиционеров, тогда искренних, и не все они в 1953 г. были так молоды и наивны, как Тадеуш Конвицкий или (в будущем мой друг) Виктор Ворошильский - есть среди них и те, кто начинал свою деятельность до войны, - например, Антоний Слонимский и Ежи Анджеевский. Правда, у двух молодых тоже был свой опыт: подростками они пережили советизацию своих родных городов - Вильно и Гродно. Можно, конечно, предположить, что как для старших, так и для младших ужасы немецкой оккупации перекрыли прежний опыт и в Сталине они - скорее обманывая себя, чем обманутые - приветствовали не поработителя, а освободителя, а прозрели уже потом. (Кстати, свой юношеский период заблуждений Виктор Ворошильский потом честно описал в романе "Литература". Да и прозрел он раньше многих благодаря нескольким годам учебы и жизни в СССР - и многим в Польше помог прозреть.)

Однако есть в статье Кшиштофа Маслоня и один более печальный случай: "Мария Домбровская в дневнике, который она писала для себя, называет Сталина "человеком, из-за которого миллионы людей пролили океан своей крови и слез", но опубликованы иные ее слова: "Сотни миллионов простых людей обязаны Сталину тем, что он извлек их из исторического полусна и вывел к полноте человеческой жизни, сознательно строящей свою историю"". Тут уж о самообмане говорить не приходится.

Статья Лукаша Каминского, написанная по материалам ныне открытых архивов ПОРП и польской госбезопасности, рассказывает об откликах рядовых поляков на смерть Сталина. После нее в десять раз возросло число арестованных за "враждебную пропаганду", тысячи людей были вызваны на "профилактические допросы", а рапорты с мест сообщали, что еще при появлении первых коммюнике о болезни Сталина (4 марта) часто говорилось: "Пора уж ему помереть".

А после официального коммюнике о смерти Сталина, по словам одного из рапортов, "отмечен ряд исключительно злостных враждебных высказываний, являющихся отражением озверения и хамства, не имеющих определенного направления, а только выражающих удовлетворение кончиной тов. Сталина". Но есть и высказывания, явно имеющие "определенное направление". Один солдат, как сообщает военная разведка, выбежал из комнаты и с восторгом крикнул: "Умер и не успел ввести у нас колхозы!" Не случайно автор статьи отмечает, что в деревне усилилось сопротивление коллективизации. (Коллективизацию начали проводить в Польше еще с 1949 г., но шла она туго, и так ее и не довели до конца: в 1956 г. Гомулка распустил колхозы.)

Солдат, если верить офицерам разведки, крикнул: "Умер", - но, по данным тайных рапортов, чаще всего поляки употребляли слово "сдох", реже - выражения типа "окочурился", "откинул копыта", и только на третьем месте - нейтральное "умер".

Радость траура нашла свое выражение в таких высказываниях, как "у нас праздник: Сталин умер", "такой праздник и каждый месяц не помешал бы" и т.п.

"Одной из самых распространенных реакций были индивидуальные и коллективные пьянки с радости. (...) По пьянке часто уничтожали портреты Сталина, выкрикивали "враждебные" высказывания, пели "куплеты

антисталинского содержания""". В статье приводятся примеры распространившихся в то время сатирических, в основном не слишком приличных куплетов (их часто писали на стенах общественных уборных - или, как сообщали рапорты, "в замкнутом месте").

Эти материалы, напечатанные под рубрикой "Смерть бессмертного", наименее известны русскому читателю и больше всего раскрывают избранную мною тему. В "Слове о Сталине", конечно, есть еще множество материалов: о репрессиях вообще и о репрессиях, которым подверглись поляки, о лагерях, о Беломорканале... Немало переводов с русского, в том числе отрывков из книги Василия Гроссмана "Все течет". "Смех сквозь слезы" - анекдоты и анекдотические истории, имевшие хождение во всем социалистическом лагере, прежде всего в Советском Союзе. Остроумно составлен "Алфавит сталинизма". Под названием "Абсурд в музей" печатается интервью с архитектором, бывшим сенатором (и бывшим политзаключенным) Чеславом Белецким, председателем совета фонда "СоцЛанд", строящего в Польше музей коммунизма.

Кристина Захватович, сценограф, жена Анджея Вайды рассказала Белецкому о цирке в варшавском районе Повисле, "который мог бы стать музеем коммунизма. Этот продукт болгарской архитектурной мысли, экспортированный во все "демолюды" (замечательное польское, конечно, неофициальное сокращение от "демократии людовой" - "народной демократии", мне всегда напоминающее о людоедах. - Н.Г.) как типовой проект, не выполнял условий безопасной эвакуации, и в принципе в нем ничего не ставили, пока он не развалился. Эта алюминиевая развалина в форме ротонды с куполом сама по себе была неплохим музеем коммунизма. Тогда я и придумал название СоцЛанд".

Правда, теперь Белецкий - и, на мой взгляд, совершенно справедливо, - считает, что этому музею самое место во Дворце культуры и науки. Мартовская выставка - первая ласточка реальной работы будущего музея и всего лишь фрагмент выставки, которая в апреле открывается в Новой Гуте. Здесь выставка не ограничится сталинским периодом:

"Самыми развернутыми будут экспозиции 70-80-х годов. Мы хотим показать, каким образом тоталитарный механизм постепенно заедало. Как постепенно то, что выглядело стихийными протестами против "лунной экономики", переходило в самоорганизацию общества, в сопротивление, потом в подполье "Солидарности". И в конце привело к торжеству над абсурдом".

А еще Белецкий обещает, что на выставке будет показано, почему Польша заслужила славу "самого веселого барака в социалистическом лагере".

Быть может, эту славу хорошо иллюстрирует составленный Матеем Рыбинским "Краткий курс биографии И.В.С.", завершающий "Слово о Сталине". Составитель подчеркивает, что сам ничего не сочинил: все взято у других. "Краткий курс" заканчивается абзацем, которым и я позволю себе закончить свою статью:

"В поразительном уме товарища Сталина сконцентрировался опыт столетней революционной войны пролетариата и могучие взлеты мысли его гениальных предшественников - Маркса, Энгельса и Ленина. Он был первопроходцем в гигантских битвах между погибающим и создающимся миром, а его имя стало вдохновением и знаменем для сотен миллионов людей. Многие из них и по сей день не смирились с его потерей, а пустого места, которое оставил после себя Сталин, никто не в состоянии заполнить".

4: ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

- Мы вступаем в Европу, которая, однако, может стать для Польши территорией неожиданных испытаний. На этот аспект предстоящего нам опыта обращают внимание авторы варшавского католического журнала "Вензь" (2003, №3) в подборке материалов, озаглавленной на обложке журнала как "Ислам у ворот". В большой статье "Европа с головой, закутанной в платок" об этом пишет Агата Сковрон-Нальборчик:
- "Когда мы думаем о христианской (или шире - европейской) и мусульманской цивилизациях, то считаем, что традиционно они были отделены друг от друга территориально. Первая географически определена самим своим названием, а вторую мы привыкли считать присущей пространствам Северной Африки, Ближнего Востока или далее лежащих частей Азии. Отдельность европейской цивилизации выглядит особо подчеркнутой тем, что формировалась она в противостоянии исламу. (...) ...на этом фоне тревожным фактом может выглядеть рост мусульманского населения на территории Европы, оцениваемого примерно в 40 млн. человек (в т.ч. 25 миллионов коренного населения Западной и Центральной Европы и 15 - пришлого), что составляет уже около 5% населения континента. (...) С 70-х гг. минувшего века приток иммигрантов, в том числе мусульман, все усиливался. Они прибывали как гастарбайтеры, но также как

студенты или беженцы, просящие политического убежища. Это население родом почти из всех мусульманских стран - от Индонезии до Сенегала, и хотя численно здесь преобладают турки и марокканцы, этнический состав мусульманских меньшинств в каждой стране свой в зависимости от ее специфики (например, географического положения) и истории. (...) Ислам - самая динамичная религия в Европе, в нем отмечен наибольший рост числа верующих, и не только благодаря притоку иммигрантов, но и в силу высокого натурального прироста. Мусульмане составляют вторую по численности религиозную общину не только во Франции, но, например, и в Австрии. Процесс миграции из мусульманских стран в Европу не завершился, хотя в значительной степени носит нелегальный характер. В связи с ситуацией после 11 сентября 2001 г. страны Европейского союза ужесточили свою политику, направленную против нелегального притока иммигрантов, в том числе и мусульман. Однако сохранить численность европейских мусульман на стабильном уровне невозможно хотя бы по демографическим причинам".

- В Польше этой проблемы еще по-прежнему не замечают. Если же принять во внимание, что уже сейчас наша страна стала одним из конечных пунктов беглецов из Африки или Азии, а сверх того - что Польша как член Евросоюза будет обязана принимать определенную квоту беженцев, представляется неизбежным ее участие в процессе, который А.Сковрон-Нальборчик видит в странах Западной Европы, где, как в Германии, есть города - к ним принадлежит Берлин - с постоянно растущей численностью мусульман. Впрочем, следует прибавить, что тенденция к уменьшению (в том числе и в Польше) натурального прироста "местных" обществ и связанные с этим экономические трудности (вскоре "старые" общества не будут иметь гарантированных пенсий, на которые работают смолоду) обостряют эту проблему. Автор статьи пишет об этом:
- "Мусульманское население на территории Европы постоянно растет, а его присутствие все больше бросается в глаза. Мусульмане - это уже не только гастарбайтеры, одинокие мужчины, временно пребывающие на чужбине. Когда с ними воссоединились семьи, в европейских государствах появилось второе и третье поколение мусульман с чуждыми корнями. Те, что родились в Европе и нередко лучше знают язык страны пребывания, чем язык своих предков, не считают свое жительство здесь временным. Они живут здесь постоянно, а результат этого - их растущая забота о религиозной инфраструктуре: мечетях, молитвенных помещениях, религиозных школах - и об обеспечении таких правовых условий, которые позволят им исполнять религиозные обязанности и возвращать культурное наследие".
- Но не только в этом дело. Врастая в пространство стран, в которых они живут, эти люди становятся своего рода посредниками, людьми двойного культурного и даже религиозного опыта, как известная, высоко ценящая немецкая поэтесса турецкого происхождения Зера Чирак, которая в одном из своих стихотворений пишет: "Сколь сладко время ожидания / между Рамаданом / и Рождеством Христовым".
- Разумеется, после 11 сентября вопросы сосуществования мусульман и христиан стали предметом анализа, полемики и дискуссий, и перевес в них, похоже, берет мнение, согласно которому сторонники драматического конфликта цивилизаций не правы. Так пишет и автор статьи в "Вензи":
- "Умножение негативных стереотипов об исламе и генерализация опасности, исходящей от небольших групп экстремистов, ведет к стигматизации мусульман в повседневных контактах, а тем самым и к исключению их из многих сфер официальной жизни. Это оказывает неблагоприятное влияние на позиции, занимаемые мусульманами как иммигрантами по отношению к стране пребывания. Это благоприятствует тому, что они начинают отвергать встреченную ими культуру в целом, воспринимают ее как растленную и упадочную. Клеймение мусульман как худших, подозрительных членов общества и отказ им в праве быть гражданами становится причиной поисков своей ценности в родной культуре и традициях (...). Нельзя забывать и еще об одной тенденции, быть может, наименее популярной, но важной. Часть мусульманских иммигрантов относится к своему пребыванию как к миссионерству, цель которого обратить в ислам как можно больше европейцев".
- Эта деятельность, например во Франции, не остается безуспешной. Поэтому, пожалуй, верным оказывается завершающий статью вопрос:
- "Что такое ислам в Европе - угроза или, скорее, вызов, религиозный, интеллектуальный и социальный?"
- Этот вопрос обращен в будущее - по-прежнему не до конца ясное, туманное, как бы слегка экзотическое и для многих малореальное. Однако важно, чтобы такого рода вопросы и размышления появлялись в польских дискуссиях все чаще. В Польше эти вопросы все еще кажутся второстепенными, а опыт с отечественной мусульманской общиной - пошедшей прежде всего от татар, несколько веков населяющих земли Речи Посполитой, - свободным от драматической напряженности.

- Совершенно иное путешествие предлагает последний номер краковской "Декады литерацкой" (2003, №1-2). Путешествие не в будущее, а в прошлое, вдобавок "альтернативное" прошлое. Главную часть номера составляют ответы писателей на анкету "Польская культура без Ялты". Особенно язвительно высказывается Чеслав Милош в фельетоне "После диктатуры", в котором он исходит из посылки, что через несколько лет после окончания военных действий в Польше к власти пришел Болеслав Пясецкий, до войны вождь крайне правой организации ОНР-"Фаланга":
- "Его правление не было хорошим десятилетием для литературы. Тут обнаружилось все культурное бесплодие правых, которые, деля все на белое и черное, всегда нуждались в образе врага. Чем для Болеслава Пясецкого до войны были евреи, тем после нее стали литовцы и украинцы. Согласно его идеологии, великодержавная Польша должна была простираться на восток, причем не только до границ досентябрьской [до сентября 1939 г.] Польши, но и дальше. Разумеется, начав ставить на карту "извечно польских городов - Вильна и Львова", он выигрывал. (...) Прежде чем он появился на сцене, первое послевоенное десятилетие принесло триумф авторов, малоизвестных до войны: Густава Херлинга-Грудзинского, Теодора Парницкого, Чеслава Страшевича и Сергиуша Пясецкого, а также изобретательного прозаика Зигмунта Хаупта. Витольд Гомбрович не вернулся из эмиграции, главным образом по причине скандала, каким стало издание "Транс-Атлантика". Эту книгу обвинили в оскорблении польской нации, что стало предлогом для нападений правых штурмовиков на книжные магазины, где они выбивали стекла, если находили хоть один экземпляр этого сочиненьица, кстати, клеймившегося и с амвонов".
- Эта картина меняется после смерти Пясецкого в автомобильной катастрофе, возможно, подстроенной. Падение диктатуры позволяет культуре развиваться довольно свободно. Между тем - читаем мы дальше:
- "Чеслав Милош засел в Вильно, точнее в виленских библиотеках. Результатом чего стал странный роман, действие которого происходит в Литве в конце XVIII века, а герои, принадлежащие к т.н. мистическим ложам, в том числе графы Калиостро, путешествуют по всей тогдашней Европе, всюду располагая связями среди братских лож".
- Признаюсь, что этот неосуществленный замысел Милоша выглядит привлекательным и сегодня наверняка заслуживает воплощения.
- Интересны размышления краковского литературоведа Ежи Ястшембского в очерке "Без идиллии":
- "Идиллии - не вижу. Сразу после войны в Польшу возвращаются политики и деятели культуры, которых война загнала за границу. И тут перед нами ростки первого принципиального конфликта: между "здешними" и "эмигрантами", которые никак не могут согласовать свой военный опыт и извлеченные из него взгляды на мир. (...) Этому сопутствуют сильные конфликты на линии правые-левые. Правые, сильные еще до войны, рвутся к власти, но в то же время стремятся установить пересмотренную иерархию литературных ценностей. (...) Антисемитизм изгоняет из Польши остатки евреев. Поляризация затрагивает и католические круги: крайне правые объявляют группу, издающую "Тыгодник повсехный", "шайкой предателей Церкви и национального дела". (...) Но то, что мы избежали Ялты, - означает ли это (...) что у нас нет политических группировок, отождествляющих себя с советским коммунизмом? Отнюдь! Польские левые переживают ту же болезнь зачарованности сталинизмом, что и западноевропейские, только с несколько отличающейся, более циничной мотивировкой, так как "попутчики" уже прошли на Востоке школу ломки характеров и всеобщего доносительства. (...) Есть в Польше даже авторы, которые упражняются в своем, менее ортодоксальном варианте соцреализма, расцветает агентурная деятельность и попытки купить писателей путем всяческих стипендий или премий с Востока. На эту приманку легче всего попадаются те, кто уже поддался после вторжения советской армии в Польшу в 1939 году. В этой напряженной ситуации, в которой от деятелей культуры требуют идейного самоопределения, в Польше появляется слегка забытый писатель из Аргентины Витольд Гомбрович. В начале 50-х он издает в маленьком частном издательстве, которое предпочитает не помещать в книге своего адреса, роман "Транс-Аитлантис". Он возбуждает всеобщее возмущение в политически ориентированных кругах и громкий смех среди части самого молодого поколения, которое уже по горло сыто декларациями в ритме армейских маршей. В этой группе пересмешников Казимеж Выка и Чеслав Милош, который в эти годы становится страстным эссеистом и публицистом, видят надежду на очищение атмосферы от всяческой идеологической отравы. (...) Ибо поколение пересмешников и бунтарей неизбежно должно было прийти после поколения почитателей идеологии независимо от политических событий в восточном блоке. В такой несколько биологической смене поколений, кстати, и лежит надежда на сохранение гигиены и ясности ума, а также живительных для духа ценностей литературы".

- Выбирая тексты, которые я здесь представляю, я стремлюсь показать либо конкретные проблемы, которые сейчас пытается одолеть Польша, либо пространства поисков, которые ведут деятели культуры. Реальное будущее - в настоящий момент еще, на первый взгляд, Польши не касающееся, но несомненно присутствующее на территории Евросоюза, где, полагаю, наша страна скоро окажется, - будет ставить перед культурой новые задачи. Одна из них - конфронтация с исламом, рассматриваемым не как нечто, разыгрывающееся за нашими границами, но как опыт повседневности. Анджей Талага, принявший участие в дискуссии "Ислам у ворот", считает, что этот вопрос ставит конкретные практические проблемы:
- "Мы, кажется, согласны, что либо фундаментализм как единое целое, либо его основные течения опасны для Запада, более того - для Польши. Как вести себя по отношению к нему? Тут входит в игру выбор либо военного вмешательства, либо дипломатии, либо надполитическая пропаганда ценностей демократии, прав человека, свободы слова".
- Ему вторит Бронислав Вильдштейн:
- "Я опасаясь релятивизации, которая ведет к тому, что мы отказываем себе в праве судить о других культурах - и, следовательно, в праве защищать свою собственную. А такой тотальный культурный релятивизм как раз сейчас появляется на Западе. Меня скорее страшит то, что я вижу, то есть слабость Европы".
- Но такая слабость Европы - не новость. Проявлением ее слабости в прошлом была Ялта - согласие на то, чтобы Советский Союз подчинил себе всю центрально-восточную часть континента. Результаты Ялты для польской культуры были если не убийственными, то во всяком случае весьма разрушительными. Насколько разрушительными - можно убедиться, читая анкету "Декады литерацкой".